

СОБЛАЗН ПУТЕШЕСТВИЯ. В ПОСТЕЛИ С КОРМИЛИЦЕЙ КРОКОДИЛОВ. Из биографических заметок.

Александр КАНТОР

«Маленькие дети!

Ни за что на свете

Не ходите в Африку,

В Африку гулять!

В Африке акулы

, В Африке гориллы,

В Африке большие

Злые крокодилы

Будут вас кусать,

Бить и обижать,-

Не ходите, дети,

В Африку гулять»

Корней Чуковский

«Ой,Абрам...Вечно ты во что-то вступаешь! Вчера – в собачье дерьмо,сегодня – в партию»(*Из анекдота о еврейской жене*)

«Судьба – не авоська» (*Русская пословица*)

I.В Африке.Заповедник зулусов.

“Are you going to stay...here? “¹– спросила меня девушка-зулуска,кормившая крокодилов. “Am I going...”² – подумал я про себя и что-то пробормотал вслух типа ”хмм”. Я был слишком занят процессом кормления этих небольших,но опасных репилий,которые просто стремительно бросались на пищу сразу - из неподвижного положения лежа.

¹ Вы намерены остановиться...у нас?

² Намерен ли я...

Часа два тому назад я уже посещал этот питомник, в котором также содержались (в стеклянных вольерах) змеи, гулял вокруг небольшого, деревянного и, как мне казалось, хлипкого заборчика из штакетника, за которым содержались крокодилы. Они отдыхали, располагаясь на неровной земле со скудной растительностью и довольно зорко всматривались вокруг. Стояла южноафриканская сухая летняя погода. Я находился в заповеднике зулусов - «Долине Тысячи Холмов», дальнем пригороде Дурбана (ЮАР), откуда меня почти целый час вез таксист гостиницы «Докландс», где я остановился в связи с участием в конгрессе психотерапевтов. Кроме меня, в питомнике крокодилов хлопотала, почти вплотную у ограждения, уборщица мусора, и она указала мне на расписание их кормления. А до кормления я успел побывать на шоу зулусской свадьбы и подарил матрешку барабанщице, и на экскурсии по хижине вождя. И теперь опасно стоял рядом с кормилицей крокодилов и откровенно вздрагивал, глядя на прыжки крокодилов, подлетающих к невысокому заборчику за кусками, по-моему, не очень свежего мяса. Девушка доставала их из мешка. К тому времени, через две недели пребывания на конгрессе, я научился отличать зулусов от других африканцев. Кормилица была небольшого роста, коренастая, крепенькая, но довольно стройная и ловкая в движениях, в цветной, вязаной кофте с открытыми шеей и локтями, юбке из плотной серой ткани, сандалиях на босу ногу и браслетах из разноцветных бус на руках, икрах и нечто вроде кольца на шее. Девушка спрашивала - останусь ли я на недельное проживание в этнической деревне, в хижине, на полном, так сказать, пансионе с питанием и экскурсиями по джунглям. Рекламный ролик на эту тему я уже видел в гостиничном телевизоре, у себя в номере, а еще здешний плакат, размещенный у мастерской по производству щитов из дерева, обтянутых кожей. Еще там стояла фура с какой-то мебелью, и полуголые, босые африканцы – участники свадебного шоу, разгружали ее. А кормилицу крокодилов я заметил раньше в сувенирном киоске, она торговала зубами крокодилов.

Да, это был соблазн. Увиденный ранее рекламный ролик был выполнен едва ли не по схемам героического сюжета «бремени белого человека»; европейский мужчина спортивного вида, в шляпе с короткими полями (аналогичную встречал в голливудских фильмах про суперменов; кстати, в Африке я ходил в подобной, только в соломенной) охотится в джунглях, совместно с аборигенами, на змей и крокодилов. Если за недельное проживание среди зулусов я сумею выложить три тысячи американских долларов...о, это будет поступок «белого человека» - настоящего мужчины!

Да, таки «и хочется,и колется,и мамка не велит». И,признаюсь себе (со смущением) , что остановившись на этот срок в заповеднике, я,возможно, смогу поближе познакомиться с кормилицей крокодилов! Она как будто проявляет (так мне казалось) к общению со мной интерес. И у нее недурный английский. Вот что такое соблазн!

Конечно,подумал я,*соблазн* похож на *подавляемое влечение*,по крайней мере,*желание* и вполне коррелирует с *эротическим переносом*! Кроме того, мало ли что в жизни делается «на слабо»? В детстве и юности я читал в книгах про индейцев и по мифологии о множествах героев,посланных «туда,сам не знаю куда –найти то,сам не знаю что»,но имевших успех.

Однако будучи психоаналитиком из Европы, мне надлежало отрефлексировать данную ситуацию в контексте коллективных представлений,носителем которых я не могу не являться.А что говорит о соблазне супер-эго европейской (откуда я прибыл) – иудео-христианской цивилизации –Библия. «...*Люди допустили идолов своих в сердце свое и поставили соблазн нечестия своего перед лицом своим: могу ли Я отвечать им?*» (Иез.14:3).Пророк Иезикииль,безусловно,порицает «идолов» (к таковым,видимо,следовало отнести и белого путешественника из рекламы) ,любые кумиры отвергаются ревнителями единобожия -сторонниками авраамических религий (ислама,христианства,иудаизма).«*Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит.*» (Матф.18:7).

Значит,соблазн –зло,но неизбежное.Но... благодаря которому,по словам пророка Даниила, «многие очистятся, убелятся и переплавлены будут в искушении» (12:10). Святой апостол Иаков пошел еще дальше: «Блажен человек, который переносит искушение,потому что, быв испытан, он получит венец жизни,который обещал Господь любящим Его.(12:10).А Пушкин?

«Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —

Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волнения
Их обретать и ведать мог». (Пир во время чумы).

И, наконец, Оскар Уайльд с его знаменитым ироническим (?) афоризмом:
«преодолеть искушение можно только поддавшись ему».

Но ведь, на самом деле, в *подавляемом* желании (аналогично, в вытесняемом чувстве обиды, зависти, ревности, стыда, вины и т.д.) есть *напряжение*, а стало быть, *динамическая сила*. Аналитик наблюдает ее, прежде всего, в свободных ассоциациях и невербальной коммуникации – нескладности в словах, странностях мимики и телодвижений (известный историк литературы и культуролог Ю.М.Лотман называл подобные семиотические неслаженности «зоной (культурного) взрыва»). Подчеркну именно *подавляемое* (surpressed), полуосознанное, по сути, полуактуальное, пребывающее, по А.-М.Сандлер, в «ближайшем бессознательном» желание, в отличие от глубоко вытесненных (repressed) переживаний. Реализация соблазна способно изменить ситуацию индивида, который, сепарируясь от прежней структуры и границ существования, философски говоря, трансцендирует, в частности, преодолевает географические и психические границы («жизненного мира»).... Иначе сказать, путешествует.

Теперь об истоках соблазна путешествия.

II. Жуткое. На улице Карла Маркса.

Маленький провинциальный город конца 40-х -нач.50-х гг. прошлого века, переживший немецкую оккупацию.
Он был основан в начале 18 в. старообрядцами, представителями неортодоксальной православной конфессии, гонимой Петром I.
На неровной, немного извилистой, незамощенной улице Карла Маркса (где я родился), или «карламарла», как ее называли, ближе к деревне, стояла построенная ими церковь деревянная церковь, в стиле 17 века. А в самом начале улицы стоял магазин «двухэтажный», за ним вниз – к речке и деревне располагались прочие строения – одноэтажные деревянные домики, иногда с низкими – почти до земли - окнами со ставнями и деревьями, порой заходившими на дорогу. Улица доходила до мостика без перил через неглубокую речушку, где стирали белье (водозаборная колонка была одна на всю улицу, у «двухэтажного»). И сразу за речкой начиналась деревня. В

первом классе наша учительница Анна Тимофеевна повела весь класс туда и еще дальше – смотреть что такое горизонт. Это было во вторую смену, осенью, начинался закат и было вполне очевидно, что горизонт всегда отодвигается. Мы держались за руки, ходить как хочется не разрешалось, попадались нераззорвавшиеся боеприпасы, рассказывали об отчаянных подростках, залезавшими в сохранившиеся землянки и блиндажи и некоторые калечились от взрывов. Что поделаешь – Брянщина - партизанский край.

Мир людей был непрост и даже небезобиден. Он делился на городских и деревенских, которых дразнили «дярёвней» (их было немало в городе, они торговали на рынке, отоваривались в магазинах, к ним также относили «блаторусов «из-за их выговора типа «трАпка»(тряпка), «сЯзон» (сезон), а городские делились на «староверов» (старообрядцев), собственно русских (православных) и, конечно, «жидов». В небольшом количестве проживали также ассирийцы, их называли «армяшками», они работали в небольших иосках чистильщиками обуви и продавали шнурки, гуталин и прочую мелочь, считались богатыми. В городе были заметны «военные» (т.е. военнослужащие), их детьми-школьники были заметны своей аккуратностью и даже подтянутостью, практичные люди стремились дружить с членами их семей – в поселке воинской части находился «военторг» с кое-каким дефицитом. В 50-х гг.(прошлого века) по городу нередко сновали безногие инвалиды на досках с колесиками (ими были подшипники), отталкиваясь от земли деревянными «утюгами» с ручками. Поэт И.Бродский так писал об этом времени: люди «пили по-черному, грызлись друг с другом... били своих баб смертным боем, рыдали не таясь, когда загнулся Сталин, или в кино, матерились так густо, что обычное слово вроде «аэроплана» резало слух, как изошренная похабщина, - и превращались в серый равнодушный океан голов или лес поднятых рук на митингах в защиту какого-нибудь Египта». Радио повторяло слова Сталина о «великом русском народе». И, одновременно, о «свободе, равенстве и братстве».

В то время – борьбы с «космополитами» -низкопоклонниками перед Западом и сообщениями о врачах-отравителях («кубийцах в белых халатах») с еврейскими фамилиями, которые одновременно – по причине вероятных

родственников за границей- являлись и теми,и другими –ходило немало тревожных слухов о возможных погромах.Во всяком случае,на еврейских детей («жиденят») показывали пальцами, опасались провизоров- аптечных работников с нерусской внешностью, из больничных палат не раз изгоняли врачей –евреев Мою маму – врача горбольницы,хотя больные относились к ней хорошо,на обходе часто сопровождал уважаемый доктор,бывший земский врач – Никита Ксенофонович Балев.С его сестрой – Зинаидой Ксенофоновной - зубным врачом,работал мой отец,он был тогда зубным техником,и его уволили сразу же после объявления об «отравителях»,несмотря на инвалидность (он был без одной ноги,на протезе),орден Отечественной войны и медали.Во дворе дома ржавел трехколесный автомобиль на двух человек – водителя и одного пассажира, ехать было некуда. Среди евреев ходили слухи о погромах в Москве,говорили, что евреев выбрасывали из трамваев. «Хвала Всевышнему,что в нашем городе нет трамваев» - говорил приятель деда по отцу бородастый Соловьев,по прозвищу,на манер композитора, Соловьев-Седой.Синагогу,точнее,молельный дом («жидовский дом») закрыли «по санитарным причинам».Город пережил оккупацию,к 50-м гг. возвращались осужденные за сотрудничество с фашистами – бывшие полицаи,они же бывшие партизаны (все зависело от того,кем они были к моменту освобождения города),со мной в классе училась девочка- дочь местного руководителя гитерюгенда (ее отец позднее был завучем в нашей школе),и мальчик из ближайшей деревни,отец которого – в качестве полицая «кончал жидов».Иногда мама брала меня с собой на вызовы, и однажды я попал в удивительный дом,где у одной бабушки гостил внук из Англии,где трудились его родители.Это было зимой,вечером,где-то в январе,топили,дым шел из трубы на сугробы во дворе.А в доме были потрясающие рождественские игрушки – цветные фигурки дам,кавалеров и солдатиков.Меня угостили необычно вкусным чаем и удивительными конфетами- круглыми шоколадками с орехами внутри.Внук бабушки был ненамного – на год,полтора старше меня,примерно лет пяти,вел себя,как я сейчас скажу,демократично,дружески и рассказывал об Англии. И я чувствовал,наверное,с недетской тоской,что все это счастье не про меня...До сих пор помню это место, в переулке на углу с большой улицей.

Так,раннее детство прошло в атмосфере«жуткого»,когда обычный,знакомый мир мог моментально превратиться в злобный и агрессивный,и ты сам порой становился отвратительным самому себе.Много позднее я сумел это отрефлексировать благодаря статье З.Фрейда «Жуткое» и эссе Ю.Кристовой «Сила ужаса». Кастрационная тревога

сопровождала меня почти сорок лет жизни. Один из сопутствующих ей *страхов-фетишей* являлась –*характеристика* –твое официально утвержденное начальством-парткомом-профкомом социально-психологическое описание, некий *эмблематический нарратив*, необходимый для поступления на учебу, устройства на работу, должность и, особенно, для поездки за границу, затем для защиты диссертации и мн. другого. Вокруг роилось немислимое количество «эдипов», от которых ты зависел - комсомол, армейские политруки, парторганизации, партсобрания, дежурные и соседи по подъезду. Зависимость была круговая и плотная, что оправдывало *женский род российского Эдипа*, собственно *фаллическая* мать, официально именуемая Родина-мать (*мачеха* в протестной речи). Ее социально-психологическая *матка* держала, а точнее, содержала тебя до конца жизни.

III. Фантазм путешествия. В поисках субъекта.

Много позднее стала ясным подоплека общества, в котором проживал – *первобытная орда со «старшим братом»* (Оруэлл), *жестокая, циничная, лживая, производящая символуовечание, унижающие послания под видом символгенных* (Ф. Дольто). Из репродукторов доносилось: «человек проходит как хозяин *необъятной Родины моей*». Что вижу, о том не слышу, что слышу – того не вижу» - т.н. анекдотичекая болезнь советского строя. И ты ощущаешь себя в этой орде изгоем.

Идея о путешествии «за кордон» становилась сверхценной и разновидностью «первофантазма». Фантазм путешествия - пересечения границ (культурных, политических, моральных и пр.) приобретал смысл становления субъектности, способности к интенции и трансценденции. Сперва это была советская, а потом антисоветская Прибалтика (конец 80-х), откуда привозил русскоязычные газеты (в основном, рижская «Атмода») с публикациями советского пакта с Гитлером о разделе Польши и Прибалтики. Потом с другом детства на велосипеде с палаткой по Европе. А еще – на самолетах – психоаналитические и психотерапевтические конгрессы – в Латинской Америке, Европе, Австралии, Африке...

IV. В постели с кормилицей крокодилов.

Несмотря на страхи быть, как минимум, укушенным крокодилом, я хорошо рассмотрел крепкие, прошу прощения за неполиткорректность, груди и фактурные соски кормилицы крокодилов. После крокодилов наступила

очередь змей. Открывалась боковая дверца застекленного вольера и вбрасывалась пища. Я почувствовал облегчение, хотя девушка сказала мне, что змеи также быстро подпрыгивают и кидаются. Потом мы пошли в сторону торгового павильона. Я вспомнил цитату Бабея из Мопассана о девушке которая «ворочается в любви с невероятным проворством» и подумал, что это может относиться к кормилице крокодилов. В самом деле, разве не круто было бы для крутого путешественника умереть от любви, лежа над или под знойной амазонкой? Но трусливо сославшись на отсутствие денег, я ограничился покупкой – у нее же - десяти зубов молодых крокодилов (по доллару штука). Такова была моя символическая победа над крокодиловой Иокастой. . . Через день, прощаясь с Индийским океаном, я рискнул пешком по улице Махатмы Ганди вернуться в свою гостиницу .И оказался единственным белым, проходившим мимо магазина продуктов с Интернетом (Hot Spot), за что поплатился. На глазах у всех трое аборигенов напали на меня, мастерски срезали мою сумку с фотоаппаратом, хотя я сопротивлялся и даже слегка был ранен в руку. Но остался живым. Через 20 минут я добрался до отеля, вызвали полицию, но никто не приехали, поскольку трупов не было.

Это событие я счел отреагированием на слабость, проявленную мной с кормилицей крокодилов.

По прибытию в Москву стал готовиться к конференции украинской IPA Study Group по психической травме и немало времени провел на киевском Майдане, вместе с коллегами. И это был другой соблазн.